

HAL
open science

Книги рождаются из деревьев : Сибирь и литература Dominique Samson

► **To cite this version:**

Dominique Samson. Книги рождаются из деревьев : Сибирь и литература. II Айпинские Чтения, Nov 2021, Unjugan, Russia. pp. 29-44. <hal-04101248>

HAL Id: hal-04101248

<https://hal.science/hal-04101248>

Submitted on 22 Mar 2024

HAL is a multi-disciplinary open access archive for the deposit and dissemination of scientific research documents, whether they are published or not. The documents may come from teaching and research institutions in France or abroad, or from public or private research centers.

L'archive ouverte pluridisciplinaire **HAL**, est destinée au dépôt et à la diffusion de documents scientifiques de niveau recherche, publiés ou non, émanant des établissements d'enseignement et de recherche français ou étrangers, des laboratoires publics ou privés.

Книги рождаются из деревьев : Сибирь и литература¹

Д. САМСОН НОРМАН ДЕ ШАМБУР

(Государственный Институт Восточных Языков и Цивилизаций, г. Париж ; Томский государственный университет)

« Всё с детства знакомое и близкое.
Утки, болота, трава.
Сосны в борах, кедры в урманах, берёзы в прибрежьях.
Я знал с самого рождения, что в тайге каждая веточка, каждая иголочка,
каждая травиночка - это живое существо.
Все они чувствуют тепло и холод, ласку и боль.
У всех есть своё дыхание-жизнь.
Но оказывается, утка может обернуться деревом, а дерево - уткой,
болото - женщиной, а высокая трава - мужчиной. »
(Е.Д. Айпин, 1991)

На протяжении веков христианские общества часто воспринимали землю как смертельное изгнание для человечества, отныне лишённого вечности и рая. История – простое отражение нашего страха пустоты. Земля свидетельствует о поиске нового достоинства и легитимности: князья, живущие на доходы от своих земель, крестовые походы на Землю Святую, жажда Земли Обетованной, колонизация, завоевания и покорения, геоцентризм папства в XVII веке, деревни или крестьяне, получившие свои названия по именам их землевладельцев, и т.д. Многие общества строились, определялись, организовывались в связи с образом, либо физическим, либо мемориальным, земли: ссылка, диаспора, кочевка ...

В статье, названной « Сибирь перед судом русской литературы » (1886), Ядринцев писал, что едва ли есть на свете страна, подобная Сибири, о которой бы существовали столь смутные и столь разнообразные мнения ». Ни в коем случае не претендуя на полноту отражения темы, доклад будет простой литературной прогулкой по картографии воображения и духовности касательно Сибири, при этом оставляя белые пятна.

Сибирь или география Другого

В корпусе средневековых сибирских летописей Сибирь является либо фантастическим местом, населённым варварами со странными нравами (*Сказание о человецах неизвестных в восточной стране*, XV век), либо знакомым садом, одарённым жизнью (*Еписовская летопись*, 1636). Экономика играла бы лишь второстепенную роль в истории завоевания, хотя ясак, наложенный на туземцев, вскоре становился существенным для казны и развития отношений Московии с Западной Европой. Тем не менее очевидные причины, как политические, так и экономические, мотивировавшие завоевание, а затем колонизацию, часто оставляют в тени другой фактор, благодаря которому « бег к солнцу » был оправдан.

¹ Статья написана в рамках научного проекта, выполненного при поддержке Программы повышения конкурентоспособности ТГУ.

Что касается Ремезовской летописи, она высказывает мысль о близком конце «старой Сибири», опираясь на мотивы Апокалипсиса. В самом деле Семен Ремезов говорит об ужасе, безумии и смерти, ожидающих языческий мир, почти слово в слово повторяя предсказания Иоанна. Согласно ему, причина падения ханства Кучума не только в так называемом демоническом поклонении Бахмета, но в развращенном правлении хана. Он даже описывает, как во время одной великой битвы открылись Рай и Ад: ангелы слезали с коня каждого христианина, падшего в разгаре боя за флаг, за христианскую веру, за святые церкви, за государя, за рода, и брали его с собой в рай, в то время как демоны таскали иноверцев «с коня до ада их Сатана».

Бытия воином воздаяние: с коня да в рай (рис. 150)

Пример о покорении язык хрисрияном (рисунок 151)

С.У. Ремезов, «Краткая сибирская (кунгурская) летопись»

Сквозь призму писания и этой реконструкции «реального» прошлого, Ремезовская летопись вписывает Московию в пространство тогдашних европейских держав. Сильно характеризованная богословием и моралью, она хочет объяснить событийную историю и тем самым приобрести политическую функцию: возвысить величие великих князей Московии и узаконить их права на земли и на «человец *незнаемых*» полуночных стран. Через ссылки на Святую историю, подвиги и чудеса, Ремезов делает Россию не только военной державой, как ее воспринимает Европа XVIIго века, но и цивилизаторской державой.

Наряду с изображением ледяной пустыни шаманизм является несомненно одним из главных стереотипов, связанных с Сибирью. Для этого есть веская причина: термин « шаманить » происходит от одного из сибирских языков (тунгусский). Он перешел на русский язык благодаря рассказу русского православного протоиерея Аввакума о своей ссылке за Урал. Написанное в 1672 году « Житие протоиерея Аввакума, написанное им самим » составляет один из первых русских литературных образов Сибири, основанных на реальных полевых данных, как название местных рек (Лена, Енисей) и т. д. Действительно, старообрядческий протоиерей рассказывает о своем изгнании и тернистом пути в Сибирь, а также о своей встрече с силами сибирской природы, воплощенными тунгусским шаманом, которого начальник конвоя просит предсказать дальнейший путь. Как шаман с бубном, свирепыми криками и прыжками, так и препятствия, возникающие на пути, связывают сибирские народы и просторы с тьмой : полярная ночь сливается с туземной дикостью.

Если произведение протопопа распространялось лишь в рукописных списках, которые тайно переписывались в старообрядческих монастырях, « Житие » стало памятником литературы и Аввакум, неисчерпаемым источником вдохновения для М. П. Мусоргского, Н. С. Лескова, Д. С. Мережковского, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, И. С. Тургенева и И. А. Гончарова. В 1900 году даже Горький хотел, чтобы « Житие » вошло в школьные программы.

Таким образом в русской психике воображаемая земля постепенно сменяется *terra incognita*.

Сибирь, как кунсткамера

Сибирь долго была простая земля проезда как для западных посольств, отправляющихся в китайский двор, так и для « первопроходцев » и купцов. Но в XVIII веке она стала объектом путешествий и учебы, в частности для академиков и миссионеров. « Сибирское царство » дает России своих первых историков и этнографов благодаря крупным научным экспедициям за Уралом; его дикость уже не творчество дьявола, а отсутствие цивилизаторской творческой деятельностью. Эта « святая миссия », выявленная летописью, кстати отражается в официальных торжествах и церемониях, как, например, в сцене « Крещения остяцкого князя » –, отметившей эвангелизацию туземцев из Сибири, на которой присутствовал немецкий академик Иоганн Георг Гмелин в Тобольске, по случаю праздника Пасхи в 1734г. :

Это было изображение благочестивого фарса, всего похожего на древние Мистерии, и оно состояло из трех актов. Первый начал с пения. Потом появился маленький мальчик, который поздравил компанию с праздником Пасхи. Когда этот пролог был закончен, появился дьявол, как его обычно рисуют, притом весь черный. Он гнал перед собой седобородого старика, который надрывно кашлял, изображая немощи старости: он должен был изображать старого Адама. Дьявол сделал вокруг него всевозможные позы и гримасы, и положил ему на шею образ чучела змеи, которая держала в пасти яблоко. Старый Адам упал на пол и остался как неживой. Смерть появилась с косой и хотела отнять тело; но дьявол воспротивился этому. Наконец пришел Иисус Христос, изображенный сильно некрасивым юношей; в одной руке он держал крест, а в другой, золотую корону. Его вид, казалось, очень напугал дьявола, который не знал, куда себя деть, пока не нашел момент, чтобы вернуться от комнаты. Присутствие и добродетель Креста вернули жизнь старцу Адаму, и Иисус Христос, приказав ему встать, дал ему свою золотую корону.

Старый Адам не знал, как выразить свою радость, и Иисус взял его, чтобы привести его на небо. Предметом второго акта была традиция Декалога или десяти заповедей Бога. Я не видел в нем ничего более примечательного, чем ужасный парик, которым был повязан патриарх Авраам, пришедший произнести философскую галиматью о мире. В третьем акте Таинство Крещения было изображено таким образом. Появился человек, одетый в плохую шубу, над которой была накинута сеть. На боку у него была сабля, на спине колчан, увешанный стрелами, и изображал Остяцкого князя. Два других мужчин, полуголые, подошли к Остяку, который очень хвастался своей храбростью, схватили его и раздели почти догола. После того, как они принесли полный ушат воды, они положили его в него, бросили несколько ведер ему на голову, и заставили его отказаться от своей шубы и всего, что у него было. Крестив его таким образом, несмотря на него, они удалились. Спектакль закончился так же, как и начался. Дьявол, старец Адам, смерть и Иисус Христос вернулись: маленький мальчик произнес речь, и послышалось пение. Вся пьеса была в стихах, и единственное, что нас поразило, была легкая манера, с которой актеры играли свои роли. Правда, это молодые мальчики, обученные с детства этим упражнениям духовенством, от которого они зависят².

Первые две истории о Сибири написаны европейскими учеными: Герард Фридрих Миллер («История Сибири» «Описание Сибири», 1750³) и Иоганн Ебергард Фишер («Сибирская история. С самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием», 1774⁴). В самом деле Сибирь стала кунсткамерой⁵. Ряд религиозных и научных экспедиций свидетельствуют о воли Петра Юго покончить с Московией «временных лет» и создать империю, ориентированную на обещающее будущее, а не на застывшее прошлое.

Кроме науки, сама литература освещает сибирские пространства, как оды Ломоносова, сравнивающие Лену с Нилем, или пьеса Недоросль (1781) Фонвизина, где Сибирь является рогом изобилия и свободы. Сама императрица Екатерина II использует образ шамана в пьесе «Сибирский шаман» (1786), чтобы обличать масонов, влияние которых, по властительнице, развращает души тогдашних поданных её империи.

Сибирь, как оригинальное идентичество

В XIX веке «страна умных», как Пушкин называл Сибирь, вызывает противоречивые точки зрения в письменных источниках. Власть теряет интерес к

² « Histoire générale des voyages ou nouvelle collection de toutes les relations de voyages par mer et par terre qui ont été publiées jusqu'à présent dans les différentes langues de toutes les nations connues... », t. XXIV, Amsterdam, E. van Harrevelt et D. J. Changuion, 1779, p. 138.

³ Герард Фридрих Миллер, « История Сибири », 1750.

⁴ Иоганн Ебергард Фишер, « Сибирская история. С самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием (...) », Санкт-Петербург, при императорской академии наук, 1774.

⁵ Daniel Gottlieb Messerschmidt, *Forschungsreise durch Sibirien, 1720-1727*, Vol. 1 : ed. par Eduard Winter et Nikolai Aleksandrovich Figurovskij ; vols. 2-5 : ed. par Eduard Winter, Georg Uschmann et Günther Jarosch, Berlin, Akademie-Verlag (Quellen und Studien zur Geschichte Osteuropas 8 : 1-5), 1962-1977. ; Johann Georg Gmelin, *Voyage en Sibérie contenant la description des mœurs & usages des peuples de ce pays, le cours des rivières considérables, la situation des chaînes de montagnes, des grandes forêts, des mines, avec tous les faits d'Histoire Naturelle qui sont particuliers à cette contrée*, traduction libre de l'original allemand par M. de KERALIO, Paris, Desaint, 1767. 2 vol.; Georg Wilhelm Steller, *Beschreibung von dem Lande Kamtschatka, dessen Einwohnern, deren Sitten, Nahmen, Lebensart und verschiedenen Gewohnheiten*. Herausgegeben von J.B.S[cherer]. Frankfurt und Leipzig, Johann Georg Fleischer, 1774 ; *Voyages du Professeur Pallas, Dans plusieurs provinces de l'empire de Russie Et dans l'Asie septentrionale*, traduit de l'allemand par le C. Gauthier de la Peyronie, Paris, Maradan, an II de la République, 8 tomes.

развитию Сибири из-за упадка торговли мехом и опасения возможной эмансипации ; Россия поворачивается к Европе. Наоборот в русской интеллигенции Сибирь становится чувствительный вызов, к которому два политические мировоззрения противостоят и полемизируют: она является возможной новой Америкой для реформаторов в поисках восстановления России⁶, она уже доказательство мессианского гения России для сторонников существующего порядка и самодержавия: ее называют « наш Перу».

Изгнание – богатый опыт учения для декабристов-« республиканцев ». Сибирь предлагает им новые области исследований, в области культуры, политики и экономики. Многие не только описывают местные природные ресурсы и адаптируют устную традицию туземцев к русскому романтизму⁷, но там осознают и праздную свободу земли, чуждой крепостному праву, земному дворянству и жесткой социальной иерархии, в отличие от европейской России. Иван Пущин и Николай Басаргин заявляют, что она даже превосходит США, которые еще не отменили рабство. Предпринимательский дух сибирских купцов и крестьян, местные богатства и пространства, традиция « фронды » населения – благоприятные условия для создания молодой и процветающей демократии.

В Иркутске рождается « Сибирская литература »⁸ с поколением сибиряков, первые произведения которых выходят в основном с 1830-х годов. На фоне немецкого и английского романтизма, а также американской пограничной литературы местные писатели помогают распространять и корректировать образ Сибири через описание местной жизни.

Родом из Иркутска⁹, молодой Николай Полевой (1796-1848) был вынужден выехать из Сибири в 1811 г., чтобы последовать за отцом. Призрак земли его детства будет преследовать его всю жизнь. Его литературная Сибирь двоякая: земля, документированная во всех возможных трудах и документах, которые он найдет в Петербурге и Москве и земля его детства, этот потерянный рай, где писатель восстановит свои *силы*. Каким-то образом он изобретает свою интимную и дистанционную Сибирь, пока не делает ее антитезой Петербургу: здоровое, чистое, гостеприимное пространство, которое сохраняет бытие, не развращая его. Его Сибирь иногда как понятие, которым он манипулирует на расстоянии, как будто он боялся противостоять несовершенству настоящей земли. Литератор пишет, чтобы передать другой образ своей родной земли и своих (т.е. купеческой касты), ведь оба часто

⁶ См. Н.В. Басаргин, « Записки », Петроград, Огни, 1917, с. 94 ; И.И. Пущин, « Записки о Пушкине и письма из Сибири », ред. С.А. Страйха, Москва, Государственное издательство, 1925, с.196.

⁷ См. стихотворение А. Бестужева-Марлинского, « Саатыр. Якутская баллада » (1828), Н. Чижова, « Воздушная дева. якутский рассказ, якутская фантазия » (1826-1833), и т. д.

⁸ Выражение появляется в книге Генриха Кенига, который пишет о творчестве Николая Polevov: « Eine ganz sibirische Literatur ». См. Koenig, « Literarische Bilder aus Russland », Text der Ausgabe von 1837, Glessen, Wilhelm Schmitz Verlag, 1837, с. 92. Книга была переведена на русский и издана в Петербурге в 1862 году под названием «Дорога русской литературы».

⁹ Galya Diment, *Exiled from Siberia: The Construction of Siberian Experience by Early-Nineteenth-Century Irkutsk Writers, Between Heaven and Hell: the Myth of Siberia in Russian Culture*, Galya Diment & Yuri Slezkina (ed.), New-York, Palgrave Macmillan, 1993, с. 47-65.

неизвестны или малоизвестны, оба часто нелюбимы европейской и конформистской тогдашней Россией.

В ответ на «Историю Государства российского» Н. М. Карамзина, Полевой сочиняет «История русского народа» (1829-1833): люди ближе к сибиряку чем система. Он тоже автор повести *Сохатый. Сибирское предание* (1830), о которой Николай Щукин напишет, что это «знамя литературного восстания сибиряков».

Иван Калашников (1797-1863) – автор первых сибирских романов. Поочередно историк, географ, этнограф, ему хочется передать точную картину Сибири. В отличие от идеализации Полевого, Калашников осознает о бедах Сибири (чиновников, преступников, и т. д.) и *возложит* ответственность на Россию. Если Полевой означает способность Сибири *поглощать* зло, Калашников утверждает скорее, что благодаря ее собственным добродетелям, ее физической и человеческой географии, Сибирь может победить зло, искупить человека. Кроме стихов религиозной сущности в таких журналах, как *Сын отечества* и *Северный архив*, он является автором первого сибирского романа *Дочь купца Жолобова. Роман из иркутских преданий* (1832).

© Парк Налычево, Камчатка, 2002 ; Д. СндШ

По словам Николая Щукина (1792-1883) Сибирь – Эдемский сад. Он черпает вдохновение из библейских образов с целью мифов¹⁰. Спасение Сибири находится в ее «девственной» природе; поэтому писатель сетует на деградацию лесов в стране Байкала, где местное население вырубает сибирские сосны, чтобы легко получить несколько кедровых орехов, и т. Но специфика Щукина, несомненно, в том, что он освещает азиатскую натуру Сибири, в отличие от «европейской»: под его пером

¹⁰ Христианское измерение важно у иркутских авторов: Сибиряк «хорош» отчасти потому, что этот Эдемский сад под открытым небом сохраняет свою веру от грехопадения, которое уже губит души Европейской России.

« азиат » не является синонимом « дикого » или « нецивилизованного », а « иного ». Довольно патерналист с коренными народами, он очень подозрительно относится к Западу.

Кроме литературы, мемуаристика – новая парадигма самоутверждения сибирской идентичности. Основная часть корпуса датируется XIX в. Термин « мемуары » следует принимать здесь в широком смысле : он может включать дневники, путевые заметки, автобиографии. Екатерина Адвеева (1789-1865) прожила тридцать лет в Сибири, от семейного детства в Иркутске до супружеской жизни в Кяхте, сибирском центре торговли с Китаем. Самоучка, поскольку образование девочек не было главным приоритетом, она пишет, чтобы восполнить пробелы предыдущих описаний Сибири. Ее воспоминания « Записки и замечания о Сибири » (1837) не претендуют на литературу, а стремятся свидетельствовать о другом образе Сибири, далеком от « безжизненной пустыни » и « конца цивилизованного света ». В этой стране, часто более придуманной, чем реальной, отождествляемой с враждебной средой, она противопоставляет свой собственный опыт: « Чтобы описать всю Сибирь, ее произведения, народы, населяющие ее, их обряды, предания, надобно посвятить на это жизнь свою. Я буду, напротив, говорить только о том, что видела и не с тем, чтоб попасть в число писательниц. Мне приятно вспомнить о той стране, где прошли лета моей молодости. »⁶ « Записки и замечания о Сибири » Екатерины Алексеевны являются не просто попыткой реабилитации презираемого культурного пространства, но и обращение к совести : Сибирь, это живая память земли, где « первыми переселенцами были жители северных областей России, куда не достигала ни Татарская плеть, ни Полская песь, ни Французский век знаменитого Людовика XIV¹¹ ».

Таким образом на фоне романтизма и гражданского стремления это сибирское самовыражение инициируется литературным патриотизмом первых повестей, романов и мемуаров, и во второй половине XIX века, укрепляется также через политический и культурный патриотизм областников¹². В XIX веке как писатели, так и областники перевернули перспективу: Сибирь перестала быть подставным лицом русских героев, а осознала о том, что она « тигель » фундаментальной идентичности. Давно вписанная в русское воображение как простой ледяной ад или сказочный край Сибирь стала искать свой собственный путь к развитию, свой собственный голос. Далеко от предполагаемой экзотики и варварства, сибиряки постепенно создают свой собственный образ, основан на внутреннем взгляде.

Сибирь, как внутреннее изгнание

Каждый человек, услышавший, как бьется сердце Севера, должен бы носить траур по Юрию Вэлле (1948-2013). Когда я думаю о Юрии Кылевиче, мне вспоминается

¹¹ Екатерина Полевая Адвеева, « Записки и замечания о Сибири », Москва, 1837.

¹² См. знаменитое произведение Н.М. Ядринцева « Сибирь, как колония », Санктпетербург, типография Стасюлевича, 1882.

сказка лесных ненцев, называемая « Пэ яха ». Это история о Нахани, охотнике из рода Айваседы, который увидел слезы, стекающие по лицу каменного духа, и решил поэтому ежегодно приносить ему жертву: оленя. Личный и литературный обязательства Юрия Кылевича кажутся мне похожими на Нахани. В разгаре хаоса он видел отчаяние своих, но не сдавался, как это делали и делают многие. Благодаря своей воле и упорству он создал другой мир. Из его рук родились два музея и две школы с одной стороны, книги, с другой. Как будто вся история лесных ненцев могла быть у него в руках, как будто будущее Лесной ненецкой культуры могло родиться у него на ладони. Каждый человек был свободен поделиться своим мировоззрением и посетить его стойбище-селение, как мы открываем книгу и читаем то, что нас убивает: тоска израненной Земли и наш страх бороться за жизнь, молчаливая колонизация душ алкоголем и мазутом, наше собственное безразличие учиться и умирать.

Когда я думаю о Юрии Кылевиче, мне вспоминается сказка лесных ненцев, называемая « Старший сын Нума ». Идет речь о старшем сыне небесного Нума, который спускается на землю, чтобы узнать, как там живут люди. Старший сын Нума должен выполнить свою задачу: напомнить ненцам правила, данные старым Нумом. Благодаря традиционной мужской и женской кисы он показывает женщинам и мужчинам, как жить как можно гармоничнее. К женщинам он говорит:

Твои и мужа обязанности показаны на передке кисов. Смотри, нос кисов это твой чум. Треугольник – дымок над чумом. Ободок верхний на носу кисов – это небо над твоей головой. Полоски – солнечные лучи над твоим чумом. Полоски поперечные – это запреты. Орнаменты вокруг кисов - это говорит о том, что под небом ты живешь не одна.

Вокруг твоего чума, есть другие чума и люди. Здесь есть дорога. Эта дорога к твоему чуму и от него. По этой дороге ты приведешь своему сыну будущую жену. По этой же дороге отправишь дочь в другую семью. Ты должна жить с соседями в мире и согласии.

А мужчинам он объявляет:

Передок мужских кисов это самый необходимый предмет. Он указывает, что мужчина должен защищать свою семью. Полоски поперечные ниже колен – запреты. Повыше на коленях есть четырехугольник. На нем полоски это доски на нарте. Уходящие продольные полосы – ремни упряжки. Узоры в виде голов людей это люди. Они живут вокруг нас. Это говорит, что вы не одни на земле. Не забываете об этом.

Затем Старший Сын Нума исчез на своем небесном олене. Напоминая своему народу о собственной культуре лесных ненцев, показывая им другой способ жизни в лесу сегодня, Юрий Кылевич боролся за права коренных народов Югры в общем, за права традиционщиков в частности. Через его высказывания, через его оленеводческую азбуку, через каждого оленя, посвященного далекой власти, он обновил представление об « коренности » на российском Севере. Конечно, это было не так просто, как для

старшего сына Нума: многие не понимали его выборы, его признание в любви к ненецкому языку: зачем все это? Этот вопрос является частью боли национальной интеллигенции, часто обреченной на одиночество. Юрий Велла взял на себя его выбор, его радость и гнев, его неудачи, его сомнения, чтобы идти так далеко, как он мог. И он оставил нас, столкнувшись лицом к лицу со своим наследием.

Когда я думаю о Юрии Кылевиче, я вспоминаю одно из его правил в «Азбуке оленевода»: «Разговаривая с другими оленеводами, будьте внимательны. Слушайте, задавайте вопросы, запоминайте. Но в жизни поступай так, как велит тебе сердце. Не пытайтесь никого копировать». Большинство из нас могло бы сделать это правило своим. Свидетельствуя об истории Севера, он избрал говорить свою правду, раскрывая некоторые свои слабости и скрывая большую часть своих качеств. Он писал только тогда, когда не был занят чем-то более важным. Он бесконечно собирал песни и сказки, как сирота, ищущий свои корни. Он посвятил себя своим оленям, как будто каждый день должен быть последним. Несмотря на финансовые трудности, тяжбы и всевозможные угрозы – в том числе болезнь –, он сделал все, что мог, чтобы сохранить тайгу живой, чтобы люди, мертвецы, животные, духи не сдались лихорадочному миру машин и труб.

Поговори со мной¹³. Юрий Кылевич, ты строил гроб для твоего деда, как он и предсказывал тебе, и для одной женщины. Ты всегда задавался вопросом, кто построит твою последнюю колыбель, когда придет час, потому что он не мог себе представить никого в деревне Варьёгане, чтобы завершать эту работу. Ты тоже спрашивал себя, кто в будущее будет присутствовать на собраниях, чтобы получить пастбища, несмотря на порой произвольные решения администрации. Как старый оленевод Аули, твой друг, на смертном одре, ты спрашивал себя, для чего жить, если после тебя на этой земле не стоит ни один чум. В середине белого дня я сижу рядом с тобой, но на поверхности земли, на поверхности вещей, посреди светлого кладбища. И я говорю с тобой, сердце колотится в пустоте, но я даже не знаю, с кем говорю перед всеми этими крестами, которые крушат небо, как для того, чтобы кровоточить его. И вот этим летом, когда я стоял у твоей могилы, я спрашивал себя, в образе какого новорожденного ты вернешься к твоим.

Каждый человек, услышавший, как бьется сердце Севера, должен бы носить траур по Юрию Вэллу.

Нет, каждый человек, услышавший, как бьется сердце Севера, должен бы чувствовать Юрия Веллу.

У коренных народов Севера безмолвие не есть порок бытия, а, напротив, есть утверждение выражений, оправданий, внутренних и мнимых творений, воссозданий, созерцаний, соображений и домыслов, тайных представлений, которые не могли бы перевести ни один звук, ни одно восклицание. Как охотник покрывает зимний пейзаж

¹³ Намек на книгу Юрия Вэллы «Поговори со мной: книга для ненецкого студента и для того, кто хотел бы послушать ненецкую душу», Ханты-Мансийск, Полиграфист, 2004.

леса своими следами, соединяя видимое и невидимое, так и Еремей Айпин оставляет следы на белой странице. Писать, это значит возрождаться к движению жизни. Писать означает слышать, дышать, существовать. Дыхание тела черпает в дыхание письма. Да, когда сын тайги пишет, дыхание его тела сливается с дыханием письма. Через дух, он спасает тело.

Е.Д. Айпин на даче, 2008 ; © Д. СндШ.

Еремей Айпин родился в снегах. Традиция увековечивания памяти в дереве уходит в глубину веков в истории ханты¹⁴. Уходит в те древние времена, когда у них еще не было письменности. Сын тайги до сих пор помнит сосну, что увидел

¹⁴ Eremeï Aïpine, « De la mémoire des arbres », *Slovo. Mélanges offerts à Anne-Victoire Charrin. De l'Asie russe et d'ailleurs*, Catherine Géry & Dominique Samson Normand de Chambourg (ed.), vol. 39/40, Paris, Publications Langues O', p. 187-191.

солнечным утром, впервые выйдя на улицу¹⁵; лица родителей и деревьев – первые книжки с картинками детства. Может быть, поэтому его дух, кажется, несет его туда, где ветры шевелят деревья, оживляют их деревянные рога. Возможно, писатель черпает из деревьев, движимых ветром, глубинную натуру их динамической свойственности. В Сибири деревья – сказители с небом, как короной и с землей, как небесным шаром. Как и Геу, старая лиственница в рассказе Тана-Богораза – вдохновленного чукотской устной традицией –, которая рассказывает пришедшим ее послушать животным об истории мира:

Мой средний корень видел начало освещения мира. Я старше!

(...)

Тогда славное время настало на этой земле. Тиркетир-солнце было большое, как сопка, много больше, чем теперь. Оно было белое, как перья Куркылья и его теток, и блестело, как мерзлый наст перед таянием снега, и от его тепла было постоянное лето. Тогда земля эта была еще ровнее, нигде не было ни одной горы, ни одной ямы для озера и рытвины для ручья. Суца лежала до морского берега, прямая и ровная, как растянутая кожа, а там начиналось море, такое же ровное и гладкое, так как тогда не было ни бурь, ни валов, ни плавучих льдов. Но по всей земле от полночного моря до того, которое лежит на разсвете, росли мои старшие братья Геу, с родичами, близкими людьми и подсоседками, в больших поселках по тысяче стволов и больше. Мы тогда были другие, чем теперь. Волосы наши были кудрявы, одежда нашей груди была белее бересты, и головы наши округлялись под небом, как зеленая головка молодого одуванчика. В наши волосы были заплетены большие белые цветы, которые никогда не увядали, сок в наших жилах тек, как спирт, настоенный на сахаре, корни наши пронизывали черную землю, как мягкое сало, и тянулись, куда хотели, так как в сердце матери-земли не было ни одной крупинки льда...¹⁶

На Севере неподвижность лишь внешне. За чертами сгущенного морозом пейзажа продолжается жизнь, вода течет подо льдом, ягель и другие растения живут под снежным покровом, не все животные мигрируют на юг; следы, оставленные людьми и животными на снегу и на льду – проекции на землю активного присутствия; и пятисотлетняя мёртвая пихта Дугласа не забыла вернуть свой запас химических соединений в свои корни, чтобы другие жили дальше.¹⁷ Как старый остяцкий охотник уходил умирать в лес, чтобы дополнить Вселенную.

В Сибири дерево и литература – сплошная история. Оба отражают бесконечность неба, глубину земли и бьющееся сердце человечества, которое привязывает ленту к ветке, высекает инициалы на коре, чтобы поклясться в вечной любви перед Вселенной или делает зарубку, чтобы помнить, что здесь встречались и расставались люди. Плоть сорванного с земли дерева становится книгой, и каждая перевернутая страница книги шелестит, как листва под крыльями семейства небесных Громов, как живой лес под кистью Геннадия Райшева. Дерево, как книга, стремится к свету; сок и чернила – та же самая кровь, которая орошает творение и даёт пульс мира биться. И Еремей Айпин

¹⁵ Еремей Айпин, «У гаснущего очага», Екатеринбург – Москва, Средне-Уральское книжное издательство, ЗАО «Фактория Арктики», 1998, с.10

¹⁶ V.G. Тан-Богораз, Кто первый пролил на земле кровь. Из полярных преданий, «На тундре. Сборник рассказов», Санкт Петербург, Книгоиздательство товарищество «Просвещение», 1910, с. 331-333.

¹⁷ См. Richard Powers, *L'arbre-monde*, Paris Cherche-Midi, 2018.

чувствует это светлое начало... Он нас берет в свидетели: из глубин родной почвы разве не должен ли человек уметь подниматься в самый чистый эфир, открытое поле духа? Его интуитивное постижение смысла жизни свойственно тем людям, держащим в себе свет, иногда неосознанно, который они возвращают нам хоть на одну книгу и который еще освещает тьму души, когда мы закрыли книгу.

Малый Яр, Аган, 2013 ; © Д. СНдШ

Как мы видели, после старинных летописей, описания Аввакума и научных работ первых этнографов, произведений декабристов и русского романтизма о Сибири, сами сибирские писатели Иркутска, таёжники и тундровики стали писать, чтобы взять слово. Произведения перевернули перспективу, сибирская литература трансформировала культурные границы: они до сих пор более или менее сознательно расширяют дискурсивные горизонты в России в поисках себя и входят в диалог с мировыми литературами. Сегодня изучают, преподают и переводят романы, повести, рассказы и поэмы ханты, манси и ненцев и многих других коренных народов Севера по белому свету. Таким образом Сибирь «актор» своего времени, то есть содействует осуществлению специфики нашей эпохи.

Под тенью зачинателей и в ожидании будущего поколения, сегодняшние писатели, духовные лидеры и подвижники пишут о безумном ропоте мира, о незапамятных силах деревьев, солнца, воды: их слова растут, множатся и ветвятся, как листья дерева, как чернильные сады¹⁸, как светлые голоса в темной ночи.

Г. Нант, 2021.

¹⁸ См. Christian Bobin, *La souveraineté du vide*, Paris, Gallimard, 2018.

